

Семейный очаг

Месяц тишины и покоя

УДИВИТЕЛЬНОЕ

Как лето идет? Домашние цветы «гуляют» на балконе, возишься с ними, поливаешь, пересаживаешь, а заодно любишь на двух птичек с оранжевыми грудками и хвостиками.

Ах, какие красавицы, да как зависают неподвижно над перилами — ну вылитые колибри! Ах, какие птички, правда, Миша? — это любимцу-коту, который в последнее время ну чрезвычайно полюбил балкон и особенно большой ящик-подставку для цветов в углу. То ходит вокруг него, осторожно обнюхивает, то усаживается сверху — в щель между балконными перилами очень внимательно за птичками наблюдает. А дура-хозяйка опять: «Миша, как птички красиво летают! На ветку, на перила, улети, прилетели. Совсем не боится!» Ну-ну...

Так бы и доводило до инфаркта пару бедных пернатых, если бы как-то не решила перевернуть ящик — кота, слава богу, в тот момент на балконе не было. А под ним — вот нечаянная радость! — крохотное гнездо из сухих травинки и веточек, а в нем — невообразимо маленькие, с фалангу пальца, голенькие, с непропорционально большими головами и раздутыми клювами птенчики. Ящик был поспешно водружен на место, а по сердцу моему разлилось то, что, вероятно, называют балзамом.

Теперь, чтоб не беспокоить птичек, старался на балкон перебраться, куту же доступ туда был перекрыт полностью. Миша пробовал возмущаться: «Мау-у, хозяйка, это же я, твой любимый кот, мне же все можно!» Тщетны молитвы. Он пробовал пугать птиц, усаживаясь на подоконник или прыгая на затянута сеткой форточку, но птички как-то понимали, что он теперь для них не опасен, и не обращали на бедного кота никакого внимания. Лишь изредка вечером птичка «папа» — он заметил крупнее «мамы» — устранила кот «разборки»: начинала зависать в воздухе перед окнами, бесстрашно садиться на перила и ищеприятно поносить Мишку: «Быть-шелк-шелк-шелк, быть-шелк-шелк-шелк», а тот в ответ из-за форточки сетки орал дурным голосом: «Ма-а-ау!» Надеюсь, «детки» в это время спали.

А мой «наблюдательный пост» теперь — возле кухонного окна, откуда хорошо виден угол балкона и куда постоянно «подныривают» яркие птички. В первые дни после рождения отпрысков они детали туда-сюда как сумасшедшие, принося в острый клювик то личинку, то муху, то червяка. В последнее время поупокоились: позволяют себе отлучиться подольше: наверное, пока «детки» спят, летают «в кино».

Во время одной такой паузы я не утерпела, заглянула под ящик. Ого! Голенькие скандальники уже стали похожи «на людей»: покрыты темным пушком, а крылышки и хвостики уже «шеголят» крошечными перьями, бочки оранжевые, как у родителей. Лежат тихо-тихо, только черные глаза-бусинки посверкивают. «Это не мы, у тебя обман зрения!»

Осторожно опускаю ящик на место, чтобы не тревожить этот маленький птичий семейный очаг.

Наш комментарий

Татьяна Кутюва, методист станции юных натуралистов при центре внешкольной работы «Содружество»:

«Это, судя по описанию, горихвостики, птицы семейства дроздов. Уничтожают вредных насекомых и живут обычно в лесах, в кустарниках зарослях. Это, конечно, редкое явление, что они поселились в городе да на балконе. Совет: старайтесь их не беспокоить и уж, конечно, не пускайте на балкон кота».

А тем горожанам, кто не знает, хочу сказать, что июнь у орнитологов называется месяцем Тишины и Покоя: птицы высиживают и начинают учить летать птенцов, которые сейчас так и называются — слетки. Поэтому, если увидели на земле птенчика, не подбавляйте — слетки, о неслете думают. В крайнем случае, подложите на ветку. Родители где-то рядом, они не дадут ему пропасть. А дома у вас он, скорее всего, погибнет, и даже если нет — приваивать «как руками», погибнет, когда вы его потом выпустите на волю. Поэтому помните: «Осторожно, слетки!»

Кстати, о птичках

Мой приятель Олег Владимирович, большой любитель поугавать, недавно к паре своих волнистых приобрел еще одного, говорящего. Тот оказался ужасным матерщинником, и приятель обратился к ветеринару с вопросом, как отучить поугавать от сквернословия, ведь он не может допустить, чтобы такие выражения слышала его маленькая дочка.

— Как только он выругается, положите его на пятнадцать секунд в морозилку, — посоветовал ветеринар.

Так Олег Владимирович и сделал, когда поугавать произнес очередное непечатное слово. Когда через пятнадцать секунд он открыл морозилку, чтобы выпустить поугавать, тот вылез со словами: «Прости меня за всю мою ругань. А кстати, в чем провинились те цыплята?»

Показное благополучие

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

У них пока все хорошо...

На октябрьские праздники студенческая группа первокурсников горного института собралась на вечеринку. Близилась Никита и Ирина. До невозможности разные, они потянулись друг к другу.

Никита родился в бедной семье. Отец пил, и мать-большиничка недолго терпела супруга. Она и Никиту назвала в честь Хрущева, пахла на двух работах, тянула сынулю изо всех сил. И он вымахал под метр девяносто, потихоньку привлекал к восхищенным взглядам представительниц прекрасного пола.

Ирина, наоборот, воспитывалась в благополучной семье. Отец дневал и ночевал в listopокатном, вырос от вальцовщи-

ка до начальника смены, так что Ирина находилась под материнским контролем. Малюткой не отходила от нее буквально ни на шаг, а когда та, окончив педагогический, перешла из воспитательницы в заведующие детсадом, тем более воспринимала каждое слово мамы как закон. И должной самостоятельности Ирина не обрела.

Они — воплощение мужественности и женственности, казалось, были обречены на безоблачный брак. Ирина из гостей в родительском доме угодила в гости к свекрови. По сути, ничегошеньки не изменилось. Все бытовые вопросы свекровь взяла на себя, помогала продуктами, тряпками и ее родители. Но

Камни в теплых тонах

Александр Ефимов не делит жизнь на «работу-дом»

Любовь Николаевна, жена директора городского центра детского научно-технического творчества Александра Ефимова, только улыбается, когда по утрам муж «спикант» прощается с ней. Другая бы взвилась под потолок: «Ах, для тебя работа дороже семьи!» Но не Любовь Николаевна: где же дорога и «семья» для мужа неразделимы. Вот и дети пошли по его стопам: сын Антон заканчивает инженерно-технический факультет МаГУ по специальности «обработка камня и металла», а дочка Ирина, только окончившая школу,

Самоцветы можно лечить подсолнечным маслом

поступает на тот же факультет. Ах, эти камин! Сам смолду ими «заразился» и всю семью заразил. А поначалу как они? Любовь Николаевну раздражали, даже заплакала раз: пришла домой с работы, а в серванте вместо привычных хрустальных фужеров — коллекция каминков. Кто люди скажут?! А люди, как придут в гости, так их от серванта не оторвать: что это да! А это что за камень, а это? Да как же ты их все знаешь, да где добыл? а ну-ка расскажи, ого! как сверкает! А фужеры — вот они, на столе, там им и место...

Зато к природному хрусталу, к его друзьям, у Александра Николаевича совсем другое отношение. Держу на ладони нечто эфемерное, прозрачное, при малейшем повороте отсверкивающее тысячами крохотных граней.

— Посмотрите, какие они неженские-неженские! — дружно хрустала Александр Николаевич рассматривает как, будто то мне на ладонь слетелась стайка бабочек с прозрачными дрожжащими крыльшками. — А это, как думаете, что такое?

Внимательно разглядываю пейзаж в рамке: — Картина... — Это спил агата. Осторожно трогаю гладкую поверхность — действительно, камень, а чуть отойдешь — гора на переднем плане, крутой обрыв, осенний лес на дальнем склоне.

— Правда, похоже на Рериха

Что ж, ручку-блокнот — в сто-

руну и под руководством Александра Николаевича — за распиловочный станок. Не скажу, что нож идет как по маслу, но ведь камень — не дерево. А каменная пыль, чего я опасалась, из-под ножа не летит: на него постоянно подается вода. Кстати, все станки Ефимов сконструировал и собрал сам. Симпатичный треугольник эмсека отрезан, но это еще, так сказать, полуфабрикат — не имеющий блеска тусклый спил. Что ж, на другом станке шлифую его, рискуя по неопытности отшлифовать и подушечки пальцев, а на следующем — полирую окисью хрома, стараясь не перепачкаться этой зеленой субстанцией. Антон, сын Александра Николаевича, иронично поглядывает на мои неуклюжие топтания, ловко обрабатывая на токарном станке по соседству какую-то железяку. Ну и пусть! Зато я, выточив собственными руками небольшой темно-зеленый сувенир с загадочными черными прожилками, чувствую себя чуть ли не Хозяйкой Медной горы. Или Данилой-мастером?..

Между прочим, все камни здесь проверяют на приборе для измерения ионизирующего излучения РКСБ-104 на предмет радиации. И в свой подарок проверила: 0015 микрорентген. Норма.

А еще Ефимов камин... лечит. Обыкновенным подсолнечным маслом. И заглядывают на них «раны», и сиять ярче начинают. В старину, рассказывает, ювелиры агатам да халцедонам яркость придавали необычным способом: обмывали тестом и — в печь. Александр Николаевич литературу специальную тоже читает, а потом экспериментирует, а потом учит «каменным» премудростям свою «вторую семью» — мальчишек и девчонок из кружка по обработке камня и металла «Цветные глаза земли». И так учит, что получает вместе с ними Гран-при Московского международного конкурса-фестиваля «Солнце светит всем».

Если интересно, зайдите в выставочный зал центра, взгляните на их «Агатовое дерево», на ювелирные украшения и шкатулки, которые сделали ребята, — почище, чем на иной художественной выставке.

...Эх, сколько еще хочется рас-

Фото Андрея СЕРГЕЕВИЧА

сказать о нерядовом увлечении нашего земляка. О стадактитах, на спилах похожих на бабочек, о причудливой форме — в виде листочка — агата, о фиолетовых «пиримидках» черемита... Но — увы! — газета не журнал, не размахнешься. И все же, напоследок — о «камне счастья».

— Это бирюза, самоцвет, то есть камень драгоценный, — воз-

ражает Александр Николаевич своим познанием о «поделочном» камне. — Высшие сорта бирюзы должны быть небесно-голубого цвета. Это «камень любви»: по персидскому поверью, бирюза образовалась из костей людей, умерших от любви. Она сама может заболеть и даже умереть — стать грязно-зеленого цвета. Считается, что созерцание бирю-

зы по утрам улучшает зрение, а тот, кто ею владеет, никогда не имеет недостатка в деньгах. А это вам на память, чтобы всегда сопутствовала любовь, — на моей ладони оказывается маленький кусочек неба. (То только не болел, — мысленно прошу его, — и никогда не умирай, пожалуйста».

Елена МОСКОВЕЦ.

МаГУ — не Кембридж

ДЫШИТЕ ГАУДЖЕ

1 июля начинаются вступительные экзамены в большинстве вузов России. Проходили, знаем. Учишь-учишь, сляешь перед экзаменатором — в голове тоскливая пустота. А «на лестнице» — ну все вспоминается, и даже больше. Как не упасть в обморок и отлично сдать экзамены в вуз, советует валеолог фитнес-центра «Универсал» Инна Аксанова.

— Если ощущение паники накрыло вас с головой, не спешите бежать из экзаменационного кабинета. Сядьте, сделайте короткий и сильный вдох через нос, а затем, считая до десяти, медленный выдох через рот. Упражнение это просто волшебное успокаивает.

Сконцентрировать внимание помогает и массаж ответственной за это точки. Она между бровей. Надавите на нее указательным пальцем девять раз.

Вспомните обстановку, время и место, когда вы учили или читали ответ на ваш вопрос. Вспомните вид конспекта — цвет чернил, рисунки на полях — это хорошо поможет восстановить в памяти его содержание.

Память взбодрит и съеденные в «критический» момент грецкий орех или кусочек сахара.

А чтобы уж совсем вас успокоить, расскажу, как «засыпают» абитуриенты Оксфорда и Кембриджа. Эти учебные заведения считаются во всем мире одними из наиболее серьезных и престижных. Видно, поэтому члены приемных комиссий данных университетов подходят к выбору студентов с особой тщательностью. Во время экзаменационных испытаний они обращают внимание не только на фундаментальность знаний, но и на то, как те реагируют на, мягко говоря, нестандартные вопросы. Например, абитуриента медицинского факультета могут попросить «логически» убедить «членов» экзаменационной комиссии в том, что в данный момент они наблюдают за тем, как он танцует». Юношу, возманившегося в будущем стать ветеринарным врачом, поставили в тупик вопросом: не считает ли он случайно, что Луна сделана из сыра? А комиссия юридического факультета выборочно попросила абитуриентов сделать подробный сравнительный анализ шампуней, выпускаемых фирмами «Теско» и «Тимотеи».

Казалось бы, никакой логики в подобных методах испытаний усмотреть невозможно. Тем не менее, сами педагоги убеждены, что подобные «ловушки» необходимы: они призваны выявить способность абитуриента к образному мышлению, что, по их мнению, существенно повышает шансы молодых стать востребованными образованными людьми.

Но ведь вам подобные испытания не грозят, не так ли? Вот и повод успокоиться.

Анекдот в тэму

Идет вступительный экзамен. Абитуриент выходит отвечать с маленькой бумажкой, на которой написана пара коротких предложений. Преподаватель интересуется:

- А где же ваш ответ?
- В голове.
- А это что? — кивает экзаменатор на бумажку.
- А это не вошло.

Типпер ГОР

Пусть лучше у детей будет правило, которое они нарушат, чем не будет вообще никаких правил.

ведь брак не только быт, это еще и любовь.

А была ли она? Вроде бы. И больше напоза. Никите нравилось видеть завидные взгляды парней по потоку: как же, ухватил первую красавицу. Аналогично вела себя и Ирина — гигант, первокурсник баскетболист, веселый озорник. Пожалуй, последнее и стало первым обломком, даже не тучкой, на чистом небосклоне молодости. Не знавшая мужчин, прирученная мамой блистала собой, Ирина и с Никитой вела себя чересчур смиренно. Обнимал — пусть, целовал — допустила, раздевал — так ведь жених, а вскоре и законный муж. Его, перепробовавшего доступных девиц, умиляла чистоплотность Ирины. Она и после свадьбы после вечернего душа обладалась в ночное белье, отбегая его насмешки как проявление молодости преодолению грубости. Любовные утехе не столько разжигали ее, сколько просто смешили. Ей хотелось много — привычного обожания, может быть стихов, тепла, сердечности.

К счастью, Ирина быстро забеременела и в положенный срок родила Злату. Так решила ее мама. Забегая вперед, скажу, что и «прирученный» к защите диплома Славик — тоже прихоть «дальней» бабушки. Всеми правдами и неправдами Ирина не отстала от конкурентов, а диплом троичницы был

скрашен наличием дочери и сына. Таких среди выпускников больше не было. Ирина «распределяется», понятно, не стала, а осталась в Магнитогорске, пошла в проектный простой чертежницей. Бабский коллектив быстро завершил ее женские мечтания, если таковые у нее еще оставались.

Никита получил выгодное распределение в Сибири, да так и привык к работе вахтовым методом. Месяц — здесь, месяц — там. Все бы ничего, если бы их отношения как-то стабилизировались, обновились. Но этого не было. За месячное отсутствие Ирина настолько привыкала быть «безмужней женой», что ей это уже начинало нравиться. Нет, о других мужчинах и речи не было, воспитание не позволяло, но все остальное: подружки, шейпинг, плавание, наряды ничто не исключало наличие Никиты, который, приехав, только мешал. Никите было проще. По-мужски Сибирь ему импонировала, а в магнитогорский месяц он успевал свариить и личные дела — пока жена днем на работе, был готов на любовные подвиги. Решительно не понимал, почему Ирине «это» доставляет только хлопоты, а не радость. И со здоровьем в порядке, а вот поди ж ты — и так не так, и эдак... Проверив себя на других женщинах, Никита уверился в полной несостоятельности

жены-красавицы. И постепенно поправился. Не рушит же семью, а где можно так жить месяц из двух, то почему бы и не оба? Все чаще он засыпал с сыном, утрачивая последнюю ноточку, связывающую интимной, потаенной стороной каждой счастливый брак.

Жизнь продолжалась, супруги росли, дети росли, родители старелись. И когда Никита, наконец, получил трехкомнатную квартиру и надежды, что лентяйка Ирина хоть здесь станет не вечной гостьей, а хозяйкой, его постигло горе — умерла мать. В одночасье, когда он был в командировке, а по-моч — просто вызвать скорую — было некому. Ирина бродила по гостям. Так на четверых они заимели две трехкомнатные квартиры. И выбор был логичен: одна — его, одна — ее, а дети стали разрываться пополам. Впрочем, они давно уже жили и без отца, и без матери, больше — с бабулями, позже — с двоюродными приятелями.

Злата уродилась в Никиту. Высокая, ширококостная, с черными, как смоль, волосами. Силой обстоятельств прирученная рано ухаживать за собой, уже лет в четырнадцать она обрела куда более старших подружек, которые на своем опыте советовали, как жить. Новое время и специфика богатой Магнитки толкнули Злату на близкие контакты с кавказцами. Уже в девятом классе она познала, что такое полная

ночь с мужчиной: мать ей не была авторитетом, поскольку сам отец бросил ее в глаза: «Ты не баба, а телка». Злата ждал ребенка, от кого — не может однозначно определить, столько их перебивало.

Славик — маленький сыночек. Но не в том смысле. Скорее, наоборот. Сверхсамостоятельный, рано привыкший к курению, алкоголю, а сегодня — и к наркотикам, он, как мама, любит «общаться» вне дома, начал приворовывать. То «провожают» пьяненького до подъезда и там его ограбят, то придумают что-то подобное с малыми, старыми, слабыми. Не раз Никита оплачивал сыновью сексуальные переживания по «горячей линии» с зарубежом, тысячи и тысячи выброшены на адвокатов, дабы замять его посядующие делишки...

Вот и все. Формально семья — вот она. И в последней российской переписи они прошли как положительный образец, плод демократических реформ. Две квартиры, машина, шубы, гарнитуры, видео... А семья так и не состоялась. И первопринципа — погоня за внешним, наружным, напускным, на зависть остальным — невидным, неярким. «Мы были не такие», — видя неадекват и силась помочь склеить осколки брака, горько сетовали и мама Никиты, и родители Ирины. Еще горше, что продолжение последует. И оно, не исключено, будет ужасным.

Анатолий МЯГКОВ.